

Очень редко не в специальных изданиях вспоминают театрального художника, роль которого в современном спектакле становится все более активной и самостоятельной. Если раньше художник писал фэн, создавал среду то теперь он становится активным соавтором образного решения спектакля в целом. И один из признаков современного театра — появление вслед за терминами «режиссер» и «режиссура», понятия «сценограф» и «сценография» как особой профессии и особой сферы творческой деятельности.

Восемь лет назад в Таллин, на гастроли Калининского театра, приехал только что увлеченный в запас солдат. И нельзя сказать, что появление нового художника во рекламе стало для коллектива событием. Так тихо и незаметно начал свою работу в Калининском драмтеатре Евгений Бырдин. Он пришел в тот самый театр, во дворе которого жила, лазал среди старых декораций, спускавшей театральной мебели. Прятался в избушке Блбл-Яги, играл в каза-

ков-разбойников среди остатков шиллеровского леса, где, вооружившись остатками реквизита, схватывались между собой мальчишки, как герои героической трагедии. Но главным преимуществом ребят с театрального двора была возможность пропихнуть в театр и затанцевать на «той самой» галерке.

Я не знаю, что переживал там, на верхнем ярусе, мальчик Жень. Но мне кажется, что где-то на пересечении осязаемой реальности старых декораций, которые можно трогать, ломать, /из которых можно строить во дворе все что угодно, и чуда их преображения на сценической коробке во время спектакля произошло зачатие именно театрального художника. И то, каким я знаю Е. Бырдина сейчас, дает основание предположить, что именно там, вдохнув горючего воздуха галерки, он причастился к тому тысячелетнему явлению человеческой культуры, которое называют Театром. И величину заглавной буквы этого слова не измерить ни масштабом города или здания театра, ни размерами труппы

и богатством постановки. Здесь иной масштаб — масштаб духовности. Чудо Театра может возникнуть там, где его искренние служители, независимо в Большом ли театре столицы или на выездном спектакле самого малень-

лись и более престижные, и более доходные, что не безразлично для селитного человека, варианты. Он пришел служить в Театр своего детства.

Обыденность; суета, бесконечные компромиссы повседневности «взрос-

ность? Во-первых, в тучке выпуска спектаклей, в необходимости решать производственные, организационные вопросы мы можем упустить главное — образную природу мышления. В заторах, происходит яфля-

видению здесь появляется и необходимый профессиональный расчет, накапливается опыт.

Работы Е. Бырдина последних лет — «Песня жизни», «Варшавы», «Цилиндры», «Тринадцатый председатель», «Отпуск по ранению» — позволяют говорить о нем как о состоявшемся художнике. Свободное обращение с пространством, вкус к точно найденной дуге, парадоксу, стремление искать не атмосферу действия, а образ самого действия — вот что характерно для этих ребят.

Его отличает ответственность, постоянная профессиональная самоотверженность.

Именно отсюда — готовность многократно переделывать. Дотошность и неуступчивость. Цепляющиеся споры и ссоры. Неудовлетворенность вплоть до заявленной об уходе.

И поэтому есть у меня надежный товарищ-создатель, есть в театре и профессиональный художник-мастер со своим череском credo.

В. ПЕРСИГОВ,
режиссер Калининского драматического театра.

В театре своего детства

кого городского театра. Для нашего художника это случилось в Калининском драматическом. Вероятно, поэтому так тянуло его сюда, поэтому именно здесь он стал расти, именно к этому театру во всех жизненных перипетиях сохраняет привязанность.

Ради чего? Именно этим вопросом часто проверяется истинность сделанного человеком. Ради чего демобилизованный солдат оформился на должность художника-рекламиста, когда име-

лой» жизни, ох, как часто ничегошеньки не оставляют от идеальных «детских» представлений. Спротивляемость засылающей повседневности, способность сохранить высокий ориентир определили дальнейший путь Евгения Бырдина. Ассистент художника — заведующий по труппочной частью — художник-постановщик. Право на творчество он заявил на дипломом, а годами повседневной службы театру.

Чем опасна повседнев-

ция или потеря того, что толкает большинство в театр, — одержимости. И тогда расчет подменяет страстность, желание вмешаться, ринуться в бой за то, во что веришь. Это делать трудно: перепосить из спектакля в спектакль, из года в год, через неудачи и разочарования — крупницы творчества, искры душевного огня. На пути этом много канав и ухабов, запрещающих и предупреждающих знаков, но прошедший его несет на себе незримую печать гарантии, что задуманное не останется плодом воображения, а будет реализовано на сцене. Потому что рядом с одержимостью, способностью к образному